

Творческий портрет

ОБРАЗ
МАТЕРИ

Так получилось, что знакомство мое с Тамарой Ивановной Агевниной, — конечно, заочное, — состоялось почти одновременно со знакомством с искусством театра вообще. Где-то в середине 50-х годов меня, тогда еще дошкольника, повели в ТЮЗ на спектакль по пьесе Е. Шварца «Два клена». Помню, как трудно было перестроиться после уже привычного кино на «живых» артистов: казалось, что на сцене все происходит взаправду. Мне, сидевшему в первом ряду маленького зала (ТЮЗ тогда помещался на улице Ленина, там, где теперь музыкальная школа), ярко запомнилась Мать, роль которой исполнила Т. И. Агевнина.

Хорошо запомнилось, что мне, не имевшему, конечно же, ни малейшего понятия об актерском амплуа, об отношении театрального искусства к действительности вообще, актриса показалась чрезвычайно похожей на настоящую, «несказочную» маму. Похожей до того, что казалось — это меня она ищет, а я, заколдованный, стою маленьким кленом, протягивая ей навстречу трепещущие ветви.

А потом я с родителями уехал из Рязани надолго, и вторая встреча с актрисой состоялась уже двадцать лет спустя. И это снова был ТЮЗ. И это снова была Мать — Клавдия Васильевна из пьесы В. Розова «В поисках радости», роль благодарная, благодарная. «Не знаю, может быть, я не права, но всем сердцем люблю их», — произносит Агевнина — Клавдия Ивановна в первом действии спектакля, говоря о своих детях. Любовь глубокая, самоотверженная — основа построения роли (и не только одной этой!) для актрисы. И точность ее самовыражения достигает такой драматической силы, что вряд ли кто из зрителей усомнится в ее правоте.

Между этими двумя ролями — Василисы из «Двух кленов» и Клавдии Васильевны — годы, спектакли, роли. Из сотни образов, созданных Тамарой Ивановной на сцене, большинство — роли матерей. Но глубоко ошибался бы тот, кто сказал, что Агевнина однообразна в своем амплуа. Разве могут быть похожи хоть в чем-то такие ее работы, как, скажем, Простакова («Недоросль» Д. Фонвизина), Попадья («Сказки Пушкина»), Мать («Мать» И. Чапека), Соколова («Последние» М. Горького). Разнообразен и список работ актрисы в спектаклях по пьесам ее любимого драматурга А. Островского: Кабаниха в «Грозе», Василиса в «Воспитаннице», Круглова — «Не все коту масленица», Анна — «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Перечень ролей Агевниной можно и продолжить, но есть ли в этом нужда? Ведь некоторые свои работы Тамара Ивановна и сама затрудняется вспомнить — «проходные» роли неизбежны в творчестве любого актера. Остаются в памяти на всю жизнь роли-победы, роли-вехи, из которых складывается нелегкий творческий путь.

А начался этот путь в 1939 году, когда молодой девушкой Тамара Агевнина поступила в Московское государственное театральное училище, где под руководством опытных мастеров МХАТа Владимира Васильевича Готовцева, Анны Игнатьевны Поповой, Николая Капитоновича Свободина стала постигать азы сценического мастерства. 1939-й — 1942-й — годы учебы актрисы совпали с грозным временем в истории нашей страны.

— Все мы, будущие актеры, были против эвакуации училища, — вспоминает Тамара Ивановна, — и нас оставили в военной Москве, на самом пороге которой был остановлен враг. И это были одни из самых значительных дней в моей творческой биографии, когда мы, сначала студенты, а потом актеры Московского театра-студии, играли для солдат и офицеров, уходивших

на следующий день на передовую, для мужественных жителей голодной, холодной, но непокоренной столицы. Несмотря на грозное время, зал был, как правило, переполнен. Театр не отапливался, зрители сидели в верхней одежде, но мы, игравшие в легоньких платьях, не чувствовали холода, видя то серьезные, сосредоточенные, то веселые лица...

После войны Т. И. Агевнина работала в Челябинске, Лиенае, но началом серьезного творческого пути актриса считает 1952-й, когда она пришла в труппу Рязанского театра юного зрителя.

Говорят, хороший актер не ищет амплуа, оно само его находит. Для рязанского зрителя Тамара Ивановна стала сценическим воплощением доброты, чуткости, искренности. Ее одинаково горячо любят и взрослые зрители, и самые маленькие. И надо видеть, как волнуется опытная актриса перед выходом на сцену, когда в зале сидят малыши. — и в роли черепахи Тортилы из «Золотого ключика», и в роли Марьи из «Емелиного счастья», и в роли Нянюшки из «Ивана да Марьи»...

— Люблю ездить на гастроли по области. — говорит Тамара Ивановна. — Сельский зритель — самый благодарный. Помню, как близко к сердцу принимали женщины-колхозницы судьбу моей Клавдии Васильевны.

Говоря о театральных работах Тамары Ивановны, я умышленно умалчал об одной, самой последней и едва ли не самой главной в творчестве актрисы. Горьковская Мать, о которой мечтала Агевнина, которую увидел в ней главный режиссер ТЮЗа С. Кузьмин, вышла на сцену театра в канун 60-летия Великого Октября. В сложном, интересном спектакле роль Т. И. Агевниной — одна из самых удачных: настолько неожиданное преломление получило здесь ее «материнское» амплуа, ее творческое начало. Ее чуткость стала еще более обостренной, доброта — воинствующей. Пластический рисунок роли точно соответствует режиссерскому решению спектакля. Сама Тамара Ивановна, как всегда, пока не очень довольна созданным ею образом Ниловны. Работа продолжается во время спектаклей, на репетициях, дома.

И эта непрекращающаяся работа не есть лишь создание одной, пусть даже самой значительной роли в творческой биографии ведущей актрисы Рязанского ТЮЗа, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Т. И. Агевниной. Это — необходимое звено в галерее образов ее самого нужного амплуа, создание вечного образа Матери, время работы над которым измеряется лишь жизнью.

С. ДОНСКОЙ.

На снимке: Т. И. Агевнина.

Фото И. Концевого.